

А.К. Салмин

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ ЖИЗНИ ЧУВАШЕЙ

Я сегодня совершаю жертвоприношение, я занят!¹

*Из записей доктора Юлия Мессароша
среди чувашей, 1907 г.*

Сам Нума², как рассказывают, полгался на богов с уверенностью, поистине непоколебимой. Однажды ему сказали, что приближаются враги. «А я приношу жертву», — откликнулся царь, улыбаясь.

Плутарх. Нума. 15

Ритуал отражает действия, писал В.Н. Топоров. Вспомним также этимологию чувашского *чӹк ту* «делать / совершать жертвоприношение». В вед. *ṛta-*, как показал В.Н. Топоров, сохранилась идея движения на уровне семантики [Топоров 1981: 147]. Идея движения и динамики, следовательно, должна быть отражена и в терминологии, которой оперирует обрядовед. А это значит, что следует обозначать элементы или мотивы (неделимые единицы обрядового комплекса) не в статике, а в динамике, т.е. через глагольные формы. Например, родильные обряды делим на следующие мотивы: выбор места, облегчение родов, принятие младенца, разбивание куриного яйца, поведение супруга. Кстати, именно так стремился поступать В.Я. Пропп при обозначении сказочных и эпических мотивов.

---

¹ [Meszaros 1909: 120].

² Второй царь Рима.

Разумеется, красной нитью, пронизывающей обряд, является его сакральность. Даже термин главного стержня ритуала — «жертвоприношение» — образовано от лат. *sacrum*.

Этимологи предлагают следующую сокращенную схему происхождения этнонима *чăваш* «чуваш»: *савир* → *сувар* → *сувас* → *суваш* → *чăваш*. О.Г. Большаков также считает верной указанную схему. В частности, он уточняет, что арабское 'с' часто заменяет отсутствующий в арабском языке звук 'ч', отсюда: *суваз* → *чуваз* → *чуваш* [Большаков 1971: 67]. Башкиры до сих пор называют чувашей *суваш*. Пример из словаря В.В. Радлова: *Кірăк суваш, кĕрăк чĕрмĕш, кĕрăк ар, кĕрăк нидĕ кĕшĕ булсын барысыда алланьч, мĕндĕлĕрĕ икĕн!* — «Будь это чувашаи, черемисы, вотяки или другие какие-либо люди, все они рабы Божий» [Радлов 1899: 1354–1355]. В.В. Радлов зафиксировал этноним также в форме *сăваш* [*сăваш, сьăваш*] [СПФ АРАН Радлов: 2833]. Н.И. Егоров считает старой чувашской формой эндоэтнонима *šāvas — «жертвоприносите́ль». Он полагает, что старочувашская форма *šāvas в конечном итоге восходит к древнетатарскому апелятиву *jaučĭ — «жертвоприносите́ль» (<*jauč* «жертвоприношение» <*jay*- «приносить жертву») [Егоров 2009: 156].

Согласно «Истории» Феофилакта Симокатты, в 90-х годах VI в. в конфедерацию тюркских племен входили уар, хунни, барселт, уннугуры, савиры (*Σαβίροι*) и многие другие племена. Все они, писал Феофилакт Симокатта, «чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимны земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю» [Theophylact 1887: VII. 8, 15–16]. Верховному божеству они приносили лошадей, быков и мелкий скот. Тех людей из своей среды, которые могут предсказать будущее, они выбирали жрецами. Мойсей Каганкатвацци, историк X в., пересказал события VII в. в «Истории агван» [Каганкатвацци 1861: 193–206]. Здесь речь идет о гунно-савирах: их столицей был город Варачан на Кавказе, князем — Алп-Илитвер, а почитали они божество *Куар*. Согласно автору «Истории агван», этот народ почитал свою религию за великую. Они приносили в жертву огню, воде и высокому густолиственному дубу жареных лошадей. Голову и кожу жертвенной лошади вешали на сучья деревьев.

Мотивом для разногласия между царем Булгарии — булгарином Алмушем — и суварамы стала религия. Основная масса землепашцев-суваров сохранила древние формы обрядов и верований [Ковалевский 1954: 51; Денисов 1959: 74]. После событий, связанных с арабским посольством, официальный ислам, видимо, не слишком сильно преследовал иноверцев. Здесь продолжали существовать святые места

и ключи, а также праздники с жертвоприношениями [Халикова 1986: 149]. Правда, в них стали проглядывать отдельные наслоения, связанные с древними культами арабов (Кааба в форме *Кене*, Курбан — *Хърпан*, Малем Ходжа — *Валем хұса* и некоторые другие).

Вследствие монголо-татарского нашествия происходит переселение части населения Булгарии на более северные земли. «В восточной части Закамья, в бассейне р. Омарки, возникает целая группа новых городов во главе с Керменчуком, известным летописным городом» [Фахрутдинов 1984: 117]. В переводе с чувашского *Кермен чўк* — «Дворец жертвоприношений». Археологические изыскания показывают, что г. Джукетау, существовавший в X–XIV вв., располагался на западной окраине г. Чистополя. Джукетау — от чувашского *чўк ту* — «жертвоприношение + гора».

В системе названий дней недели у чувашей особняком стоят «суббота» и «среда». Суббота на чувашском — *шăмат кун* — «день шăмат». То, что это слово — еврейское, ни у кого не вызывает сомнения. *Šabat* — значит «день отдыха». Бернат Мункачи полагал, что слово вошло в язык предков чувашей примерно в VII в. на Кавказе от еврейских хазар [Munkácsi 1926: 42–64]. Но оно не может быть прямым заимствованием еврейской формы, ибо в чувашском языке нет примеров для изменения *б > м* внутри слова. Поэтому исследователь в данном случае прав, говоря о хазарском посредничестве.

Название дня недели у чувашей — *юн кун* — буквально переводится как «день крови». Б. Мункачи не мог найти объяснение: почему одинаковые понятия «жертвоприношение» и «день жертвоприношения» в чувашском языке называются по-разному: *чўк* и *юн кун*. Видимо, слово *чўк* — «жертвоприношение» — вошло в чувашский язык из прабулгарского, а понятие «день жертвенных молений» — из еврейского. Посредниками опять могли быть хазары-иудеи.

Термин *чўк* — «жертвоприношение, жертвенное моление» — часто используется в исследованиях чувашских обрядов и верований. В разных производных вариантах он встречается у народов Поволжья (мар. *чөк*, тат. *чок*, удм. *цок*), а также в казахском, киргизском и туркменском языках (*учук*, *ушык*) [Ахметьянов 1978: 164]. У алтайцев *чөёк / чөёк* — словесное жертвоприношение, сопровождающееся ритуальным движением, — соотносится с действием «успокоить», «погрузить в воду» [Садалова 2008: 35–36; Ямаева 2002: 19]. Необходимо учитывать еще одно толкование: тур. *чўк*, венг. *csök*, др.-чуваш. *čök* в значении «фаллос» [Федотов 1996: 399].

Жертвенные ритуалы — не только источник для изучения религии, они составляют ее важную часть. Прекрасный знаток жизни чувашей, наблюдавший ее изнутри, диакон Данил Зайцев заметил в 1917 г.: «Жертвоприношения совершались с религиозным чувством и со строгим соблюдением старинных обрядов и обычаев» [Цит. по: ЧГИ Никольский: 547].

При рассмотрении чувашского материала имеет место проблема классификации праздников и обрядов. Так, еще во второй половине XVIII в. К.С. Милькович о чувашах писал: «Благотворным Божествам приносят они жертвы как общенародные, так и частные» [Милькович 1906: 62]. Финн Аугуст Альквист в 1859 г. пришел к выводу, что чувашаи совершают жертвоприношения или деревней, или отдельной семьей, иногда обряд свершает частное лицо [Альквист 1997: 3]. Согласно В.П. Вишневному, «жертвы животными Всевышнему и прочим благим существам (чуки) бывают частные или общие. Первые приносятся от каждого семейства особо, а последние или от одной деревни, или от нескольких в совокупности, а иногда от нескольких уездов. В частных чуках жертвенное животное закаляется в доме главы семейства, а в общем вне жилища» [Вишневикий 1861: 173].

Согласно традиционным представлениям чувашей, символическое кормление божеств и духов является наиважнейшей заботой в жизни благородного человека. Как периодически, так и по экстренным причинам следует отнести на сакральное место *ёсме-суме* (что буквально значит «питье-еда»), т.е. пищу [Поле 1988: 26]. Жертва в самом широком смысле — составная часть религиозной системы [Арутюнов 1989: 137], прекращение жертвоприношений равнозначно прекращению жизненного цикла [Евзлин 1993: 127]. Поэтому исследование системы жертвоприношений как наивысшего аспекта в религиозном сознании многих народов [Malik 1980: 83] является актуальной частью религиоведения.

Существуют работы по классификации и осмыслению жертвоприношений как системы (см. исследования Н.Л. Жуковской, С.А. Арутюнова, А.А. Вигасина и др.). Чувашский материал не исключение. Так, Н.В. Никольский оценивал жертву как выражение отношения к божествам [Никольский 1919: 93–94]. Пригодными для жертвы он считал домашних животных и птиц, овощи, съестные припасы и напитки. Сюда же он относил изображения из теста или глины, заменяющие животных. Естественно, этот круг шире. Например, угощение

гостя, всякого рода дарения и раздачи — тоже жертвоприношение [Вигасин 1990: 18]. Современное спонсорство также жертвенный дар.

Известно, что жертвоприношение у чувашей представляет сложную систему. Однако правила жертвоприношений в мировых религиях возведены в более сложную канонизированную систему, чем в традиционных народных обрядах и верованиях. В качестве примера можно назвать третью книгу Библии — Левит. В религиозных обрядах и верованиях чувашей жертвенные дары в основном подразделяются на жертвы растительного происхождения, жертвы животного происхождения и жертвы возлиянием.

В числе жертв растительного происхождения имеются жертвы-полуфабрикаты (солод, крупа, мука и др.) и готовые продукты (лепешка, хлеб, салма и др.). Как правило, из солода ничего не готовят, а приносят адресату в натуральном виде в комплексе с другими субпродуктами и предметами-жертвами. Так, чтобы избавиться от хвори, хозяину местности относят жертвы в два раза больше, чем было подкинута предметов с целью порчи. Уместен комплект из солода, крупы и хмеля. В комплексе с другими предметами солод, как правило, идет на приготовление пива. Крупа имеет место во многих видах обрядности, однако общесельский или межсельский *Учук*, инициирование дождя и *сёрен* без крупы не обходятся вообще. В общесельских и межсельских обрядах крупу используют, как правило, на приготовление каши для совместной еды. В основном собирают из каждого дома.

Исключительно высоко в жертвоприношениях ценится мука. Известно, что в макрообрядах типа *Киремет* и *чүк* мукой подбеливают жертвенных животных не белого цвета в знак чистоты, угодности божествам. Молодоженов и участников свадьбы мукой осыпают, в муке прячут покрывало, что является знаком плодородия. Лепешка для повседневного употребления и лепешка ритуальная — две разные вещи, даже внешне. Хлебная обрядовая лепешка имеет на поверхности узоры, называемые в народе «пупок — нос». Другое обобщающее название этих узоров — «лепешки с зарубками». Трудно назвать обряд, где бы не использовался хлеб. Однако в качестве неотъемлемого жертвенного дара он активнее других выступает в *чүккеле*, на свадьбе и в *юпа*. На миске с кашей вокруг раскладывают ложки, в середине кладут масло, а сверху как бы покрывают непечатым хлебом — таково, например, начало обряда *чүккеле*, посвященного новому урожаю. *Салма* —

разновидность клецек из пресного теста. По типу приготовления бывают оторванные и резаные. Чаще встречается в ритуалах *ларма*, «Девичья салма» и *ака пӓтти*.

Жертвы животного происхождения делятся на два вида: «Части тела животного» и «Приготовленные продукты». Форм обращения с костями несколько. В ритуале, посвященном божеству *Киремет*, например, крупные кости собирают и, связав, вешают на дерево. Видимо, можно говорить о параллелях в обращении с костями жертвенных животных и способах захоронений человека у чувашей. Так, вешание костей может символизировать воздушное погребение, а сжигание костей — сожжение умершего, закапывание костей — похороны в могильных ямах. Согласно логике, выбрасывание и оставление костей на месте — рудимент наземного захоронения.

Голова как центр жизненных функций является наиболее важной частью жертвенного животного. Особенно это проявляется в действиях поминального обряда *юна*. Иногда ее оставляют около символического мостика, построенного специально в начале оврага по пути на кладбище. Крылья встречаются в контексте обращения к божествам высшей иерархии — *Турӓ* и *Пирӓшти*. Жертвователю подчеркивает, что приносит божеству крылатую птицу. При обливании птица должна встряхнуться, иначе жертва не угодна божеству. Смысловые нагрузки куриного яйца выражаются через конкретные действия-обращения (разбивание, бросание, окрашивание и т.д.). Так, основные этапы жизни человека (такие как появление на свет, свадьба и уход из этого мира) сопровождаются обрядовыми действиями, условно называемыми «Разбивание куриного яйца над головой». Иначе говоря, рождение, выход замуж и переход в иной мир по сути — инициационные рубежи: переход ранее существовавшей души в иное качество, приобретение нового статуса.

В системе ритуальной культуры чувашей наиболее «мясным» жанром по праву можно считать обряд *юна* — «обряд окончательных проводов души умершего». Общесельские ритуалы *Учук* и *Киремет* также отличаются от остальных обрядов своей привязанностью к мясным блюдам. Отсутствие примеров, где мясо находит себе заменителей, видимо, говорит о более позднем применении мяса в качестве жертвенного дара. Масло (коровье, сливочное, топленое) входит в перечень набора для приготовления обрядовой пищи, особенно каши. Помимо приготовления ритуальной еды на масле, форма жертвования выражается в угощении божеств и духов мас-

лом: так выражается стремление перенести качество масла на объект или действие.

В качестве жертв возлиянием используются водка, пиво и мед. Согласно зафиксированным источникам, водка в обряде *юна* используется чаще, чем в остальных ритуалах. Из всех совместимых с жертвенным вином продуктов особенно выделяется пиво. Приготовление в старину вина в домашних условиях (напитки из пива и меда, корчма и др.) не допускало крепкого алкоголя. Приготовление пива приурочивалось каждый раз к конкретному ритуалу в определенном количестве. Независимо от вида обряда, новое пиво вначале пьют в честь верховного божества *Турй*. Адресатами также являются духи предков и старики. Мед и медовые напитки находят широкое применение в ритуалах. Мед занимает свое исконное место и признается незаменимым. Он является пищей божеств, угощением самых близких, вызывает взаиморасположение.

Значительное место в составе предметов-даров занимают монеты и фигурки-куклы.

Ритуалы *Учук* и *юна*, в которых активно приносятся жертвы, отличаются детальной регламентацией, поскольку божества и духи непременно откликаются добром, если жертва приносится с соблюдением всех пунктов.

Несмотря на то что бывали крупные жертвоприношения: корова, лошадь, бычок и т.д., говорить о том, что народ терпел большие убытки, не приходится, ибо все поедалось самими же участниками. В собственно жертву отделяли совсем небольшие кусочки, оставляли / сжигали кости, перья. Это — с рациональной точки зрения. А с духовной точки зрения — общество еще более объединялось. Участники совместной трапезы становились практически родственниками на всю жизнь, поэтому они ничего не теряли, а наоборот — крупно приобретали. Увы, в наше наполненное рационализмом время подобное невозможно.

В целом, проанализировав виды, характеристики и семантические аспекты жертв, можно сделать вывод о том, что хозяйство чуваша носило оседлый земледельческо-скотоводческий характер. Перед исследователем не было задачи дать этногенетическую характеристику, но факты говорят сами за себя: например, совокупность примеров указывает на типологические, генетические и контактные аналогии прежде всего с марийцами, удмуртами и русскими, а также с народами древней Передней Азии.

Источники

Поле 1988 — Экспедиция автора в 1988 г. в Базарно-Карабулакский р-н Саратовской обл. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. 54 л.

РАН Радлов — *Радлов В.В.* Смешанный словарь на карточках. Б. д. // РАН (СПФ АРАН). Ф. 177, оп. 1, ед. хр. № 107. 2888 л.

ЧГИ Никольский — *Никольский Н.В.* История, этнография, сельское хозяйство, литература, фольклор. 1915–1917 гг. // ЧГИ (Архив Чувашского государственного института гуманитарных наук). Отд. I, ед. хр. № 285. 618 с.

Библиография

Альквист Август. Чăвашсем сĕнчен хыпарлани // Хыпар. 1997. Кăрлач, 5.
Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). М., 1978.

Большаков О.Г. Примечания // Ал-Гарнати Абу Хамид. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971. С. 62–83.

Вигасин А.А. Предисловие. Комментарии. Словарь имен и терминов // Пандей Р.Б. Древнеиндийские обряды (обычай). М., 1990.

[Вишневский В.П.] О религиозных суевериях чуваш // Симбирские губернские ведомости. 1861. С. 169–170, 172–173, 176–178, 181–183.

Денисов П.В. Религиозные верования чуваш: Историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959.

Евзлин М. Космогония и ритуал. М., 1993.

Егоров Н.И. К проблеме этноязыковой идентификации центральноазиатских огуров (*ухуань*) // Научная и духовно-миссионерская деятельность Н.Я. Бичурина: история и современное значение. Чебоксары, 2009. С. 118–161.

Каганкатвацци Мойсей. История агван. СПб., 1861.

Ковалевский А.П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954.

Милькович [К.С.]. Извлечения из «Исторического описания о Казанской губернии» // ИОАИЭ. Т. XXII. 1906. С. 60–63.

Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань, 1919.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания: Полное издание в одном томе / Пер. с греч. М., 2009.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899. Т. II, ч. 2.

Садалова Т.М. Алтайская народная сказка: формы бытования, типология сюжетов, поэтика, текстология. Горно-Алтайск, 2008.

Топоров В.Н. Ведийское *ṛta-*: к соотношению смысловой структуры и этимологии // Этимология: 1979. М., 1981. С. 139–156.

Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Болгарии. М., 1984.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1996. Т. 2.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в. Казань, 1986.

Ямаева Е.Е. Духовная культура алтайцев: Миф. Эпос. Ритуал: Автореф. дис. ... д.и.н. СПб., 2002.

Malik Madhusudan. Introduction to Parsee religion: Customs a. ceremonies. Santiniketan: Visva-Bharati, 1980.

Mészáros Gyula. Csúvas népköltési gyűjtemény. I köt.: A csúvas ösvallás emlékei. Budapest: Kiada a Magyar tud. akad., 1909.

Munkácsi Bernát. Die heidnischen Namen der Wochentage bei den alten Völker des Wolga-Uralgebietes // Körösi Csoma Archivum. II. Budapest, 1926. S. 42–64.

Theophylacti Simocattae Historiae. Ed. Carolvs de Boor. Lipsiae: I Aedibvs B.G. Teubneri, 1887.

Список сокращений

ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

ЧГИ — научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук